

В конференц-зале «Лабиринта» царила атмосфера контрастов.

Под мучительным взглядом Ло, «Лабиринт», скитавшийся по подземному городу, временно вернулся в человеческий мир. Машина с «Лабиринтом» была оставлена в таинственном двореке, ведь внутри теперь находился медвежонок.

Дверь станции на реке была закрыта для чужаков, и Ворона отправил Велоцираптора на мирные переговоры с начальником станции Ло, что сработало.

В итоге маленький медвежонок Марк, дрожа, подписал запрещённый предмет, используемый для проклятий, поклявшись никому не раскрывать местоположение станции и не совершать ничего, что могло бы навредить ей, иначе он умрёт. Ло, скрепя сердце, взял на себя риск и закрыл дверь станции на реке на три секунды.

В этот момент ни начальник станции «Лабиринта», ни Эрик не были «дома», и конференц-зал был в полном беспорядке, как рынок. С одной стороны лежали таланты вампиров, которые они только что отобрали у Службы безопасности, а с другой – запрещённые предметы, которые они забрали у Службы безопасности в прошлый раз.

Температура со стороны запрещённых предметов была как минимум на пять градусов выше, чем со стороны талантов.

Листер с завистью вытянул шею, мечтая перебраться к запрещённым предметам, чтобы согреться, но не мог. У него и Жасмин было задание.

Два «огня» на холодной стороне разбирали новые трофеи – таланты вампиров, в то время как остальные дети, включая Велоцираптора, сидели среди запрещённых предметов, окружённые остатками «огня», и размышляли над «домашним заданием», оставленным начальником станции.

Медвежонок Марк тоже был допущен. Этот малыш был с ними уже давно, и, кроме склонности плакать, линять и много есть, у него не было серьёзных недостатков. Он был добродушным и простодушным, хоть и неуклюжим, и не представлял опасности... Хотя, возможно, он был не таким уж простодушным, но с Гавриилом и кучей талантов вампиров вокруг даже его отец стал бы очень смирным.

Листер, обычно стройный и нервный, чувствовал, что таланты вампиров были как вредное магнитное поле. Даже просто находясь рядом с ними, он ощущал, будто тысячи иголок колют его кожу, а в голове стоял гул.

На самом деле великий капитан не заставлял его делать то, что он не мог, но маленькая Жасмин рядом старательно записывала уровень энергии каждого таланта. Листер, хоть и бесполезный, и бесстыдный, был взрослым мужчиной и не мог сбежать при полувзрослой девушке.

К тому же, если бы он не делал это, кто бы тогда делал? Гавриил?

Листер украдкой взглянул на того, кто полностью перешёл к детскому столу.

Он шикнул на Жасмин, давая понять взглядом: у начальника хорошее настроение?

Жасмин – «священная», не имела никакого взаимопонимания с подмигивающим «крайним» парнем, взяла с стола печенье в форме медвежьей головы и беззаботно прожевала:

- У тебя зуб болит?

Листер: «...»

Жасмин, набив щёки:

- Пей больше воды, всё пройдёт. Раньше он в вампирском замке пёк такое сладкое, что аж противно, а сегодняшнее вполне съедобное, мне даже понравилось.

Да, рано утром Гавриил испёк печенье, и теперь рядом с Листером были мрачные таланты, а в носу витал сладкий аромат масла. Он в замешательстве подумал: «Гавриил» и «медвежье печенье» - как эти два слова вообще оказались вместе? Они даже не из одной языковой семьи!

За другим столом Клубничка и другие были слишком заняты, чтобы есть.

Задание, оставленное Вороной, было очень необычным. Он не заставлял их тренироваться или учить буквы, а оставил им «игру с сюжетом».

Две тысячи знали ещё не так много иероглифов, поэтому Ворона не написал задание на бумаге, а оставил несколько аудиозаписей в телефоне.

Гавриил с нетерпением ждал следующей части.

В этой части истории рассказывалось о мальчике с удивительной способностью под названием «алхимия», которая позволяла ему извлекать и изменять что-то, что он полностью понимал. Но порог «полного понимания» был высок, а мальчик обладал интеллектом пятилетнего ребёнка и понимал очень мало. Его держали в заточении и использовали как инструмент.

Запись остановилась на первом вопросе начальника станции: «Представь, что ты этот мальчик. Что бы ты сделал?»

Жасмин, отвлёкшись, с печеньем в зубах вставила:

- Такой сильный, и всё равно в заточении? Бесполезный. На его месте я бы вытащила железо из железных вещей, сделала бы двухметровый меч и всех порубила.

Листер: «...Ваш уровень „Суда“ явно вас ограничивает».

- Но он... мне всего пять лет, я бы не смог поднять меч, - Велоцираптор, как всегда, попытался направить детей в более разумное русло. - Думаю, нужно попробовать что-то более лёгкое, например, взять крыло у маленького насекомого и прикрепить его к себе?

- Чтобы полностью понять, мне это не подходит, я не знаю, как устроены крылья насекомых, - подумала Клубничка и жестами добавила: - Если можно извлечь что угодно, я бы... я бы извлекла концепцию «запертой двери». Если дверь заперта, никто не сможет войти, и я бы превратила свой дом в место, куда никто не может попасть, и спряталась бы там, пока друзья не спасут меня.

Гавриил, который до этого только смотрел на телефон, вдруг взглянул на Клубничку, а затем на запрещённый предмет рядом - маленькую серую коробку. Это был предмет проклятия, который обычно лежал на дне, и остаток «огня» внутри был неизвестного происхождения.

- Тогда я бы ещё и стал невидимым, - Май, вдохновлённый Клубничкой, продолжил: - Например, извлечь «прозрачность» из стекла и применить её к себе. Тогда я стал бы

прозрачным, как стекло, и никто бы меня не видел, и я мог бы сбежать.

Несколько человек начали бурно обсуждать свои идеи, а Гавриил отвлёкся и начал гнуть железные пластины – он вручную делал формы для печенья. Железо в его руках было как податливый пластилин, и Гавриил, казалось, даже не нуждался в чертежах, просто лепил по своему желанию.

Жасмин через стол:

- Эй, белый, чего молчишь?

Ножка стула Листера скрипнула, и он чуть не упал, с ужасом глядя на эту бесстрашную девочку.

Гавриил добродушно посмотрел на неё, железная пластина в его руках уже приобрела форму головы ребёнка с косичками, очень реалистично.

- Зависит от настроения, – медленно сказал он. – Может, мне бы даже хотелось посмотреть, что они заставят меня делать.

- А потом?

- Когда станет скучно, уйду.

Жасмин настаивала:

- Как ты уйдёшь?

Гавриил снова посмотрел на неё, словно говоря взглядом: ты уже такая большая, а всё ещё не умеешь ходить?

Он серьёзно ответил:

- Обычно сначала левой ногой.

Велоцираптор, неожиданно набравшись смелости, слабо спросил:

- Но начальник станции сказал, что я в заточении, и вокруг много плохих людей.

Гавриил:

- Тоже зависит от настроения.

- А?

- Смотрю, что вокруг. Например, если только что поел, можно извлечь «температуру» еды. Если встретишь вежливого человека, добавишь температуру льда в его кровь; если невежливого – температуру кипятка; или просто извлечь какую-нибудь форму, – Гавриил говорил, как согнул железную пластину на девяносто градусов, – вот так, а потом применить её к позвоночнику любого, кто попадётся.

В конференц-зале на мгновение воцарилась тишина.

Гавриил вежливо спросил:

- Можем послушать следующую часть?

Велоцираптор уже хотел нажать на следующую запись, но Клубничка остановила его:

- Две тысячи ещё не сказала.

Она заговорила и сразу почувствовала, что её голос звучит неуместно. Клубничка сглотнула:

- Начальник станции сказал, что каждый должен участвовать.

Гавриил покорно пожал плечами и продолжил делать свои кухонные инструменты.

Две тысячи не привыкла к вниманию, особенно со стороны двух взрослых мужчин - Велоцираптора и Листера. В мире «фруктов» тайных рас взрослые мужчины обычно содержались в отдельных клетках как производители.

Она сжалась, мучительно помолчала и прошептала:

- Не... не знаю. Ничего бы не делала.

Ведь она сама была таким существом, запертым в клетке.

Рождённые в клетке не думают о побеге. Куда бежать? Она ничего не знала о внешнем мире, который для неё был тёмным и пугающим. Если бы тогда не было Пастуха, который указал ей путь, она бы не смогла сделать ни шага, даже если бы её выпустили.

- А... да, точно, - Май разрядил неловкость, - Побег рискован, здесь хотя бы есть еда и безопасно. Если нет опасности, можно сначала понаблюдать, правда, сестра?

Две тысячи опустила голову, и внезапная грусть нахлынула на неё. Почему-то в последнее время, вспоминая свои дни в мире «фруктов», она чувствовала такую боль.

Май, умеющий читать настроения, нажал на следующую запись.

Ленивый голос начальника станции раздался из телефона:

- Ты ничего не сделал. Кто-нибудь ответил правильно?

Две тысячи вздрогнула.

- ...Если никто, я буду разочарован. Вы вообще читали задание? «Представь, что ты этот мальчик». Ты родился в этом ужасном месте, и единственный человек, который был к тебе добр, - это няня, э-э... можно представить её как «монашку». Ты не знаешь, обожжёт ли тебя солнце или есть ли яд в дожде. Ты бы решился на побег? Гавриил, не говори, другие не получили благословения имени архангела.

Гавриил, который уже собирался заговорить, словно почувствовал, как его погладили по голове, и, почему-то, давление, которое он оказывал на окружающих, немного ослабло, как будто он незаметно использовал своё «очарование».

Запись продолжила:

- Но тебя часто обижают, они все злые, ты одинок и напуган. Что ты делаешь, когда тебе страшно?

Жасмин не вмешивалась, она не знала, что такое «страх».

Клубничка и Май тоже задумались. Они раньше были «высококласными питомцами», послушными и не такими колючими, как Жасмин, и, кроме регулярного забора крови, их почти не мучили.

Велоцираптор, как «полицейский фрукт», с детства не жил в одиночестве. Его «настройки по умолчанию» – это верность, дружелюбие и сотрудничество, и он не мог представить, что такое «одиночество».

Через некоторое время только Две тысячи дрожащим голосом сказала:

- Няня... эта «няня».

Гавриил вдруг поднял глаза и посмотрел на «перчатку вора» рядом с телефоном – запрещённый предмет, сделанный из остатка «огня» «неполного пути». Его острый слух уловил лёгкий треск, как будто что-то треснуло.

Клубничка, ничего не замечая, спросила:

- Что с няней?

Две тысячи была необщительной, и Клубничка всегда старалась вовлечь её в разговор. Теперь, когда та сама заговорила, глаза Клубнички загорелись.

- Я бы хотела быть с ней всё время, – сказала Две тысячи. – Ведь...

- Скрип!

На этот раз все услышали.

Все повернулись к «перчатке вора» и увидели, как она треснула, нитки разошлись, и из неё вылетел свет, направляясь к Две тысячи.

<http://bllate.org/book/14692/1312921>